

СЕРГЕЙ ДОНСКОЙ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

ВТОРОЙ
ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТА

Сергей Донской

Второй после президента

«Автор»

2012

Донской С. Г.

Второй после президента / С. Г. Донской — «Автор», 2012

Некогда Российская Федерация заключила с Китаем договор о долгосрочном сотрудничестве. Согласно ему Дальний Восток и Восточная Сибирь отдавались КНР чуть ли не в аренду. Вскоре туда буквально хлынул поток китайцев, начавших активно заселять территории и осваивать природные ресурсы. Обеспокоенный сложившейся ситуацией, президент РФ поручил своему тайному советнику майору Глебу Грину найти выход из создавшегося положения. Грин блестяще справился с заданием: за многочисленные нарушения договора китайцев выдворили из России. Тогда лидер КНР поручил своим спецслужбам выяснить, кто виновен в срыве китайской программы. Над головой Грина нависла смертельная опасность...

© Донской С. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Глава I	6
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Донской

Второй после президента

От автора

Персонажи книги, включая однофамильцев известных государственных деятелей, вымышлены автором. События не обязательно происходят в наше время. Иными словами, книга является плодом творческого воображения, а не историческим документом.

Не ставя перед собой цель оскорбить чьи-то чувства или очернить кого бы то ни было, автор лишь попробовал домыслить то, что сокрыто от общественности. Если же кому-то покажется, что он узнал себя в одном из персонажей данной книги, то это может означать лишь одно: человек этот действительно говорил, думал и делал то же самое, что и литературный герой. Это лишь случайное совпадение, за которое автор ответственности не несет.

Глава I

Дракон и медведь

Китай подчиняет своему влиянию соседние страны, хочет установить контроль и над природными богатствами России. Об этом заявили американские политологи после недавней встречи лидеров КНР и США... Влияние Китая в Восточном полушарии увеличивается; он получил доступ к ресурсам Центральной Азии, а также к главным судоходным линиям в Тихом океане. Политические амбиции КНР не менее агрессивны, чем амбиции, которые питали США сто лет назад, считает Роберт Каплан, старший научный сотрудник Центра за новую американскую безопасность...

ИА «НОВЫЙ РЕГИОН»

Шумный, яркий Пекин с его одиннадцатью миллионами жителей постепенно погружался в сон. Освобождались от заторов многорядные автострады, пустели площади перед храмами, затихали птицы в императорских садах, а из древних усыпальниц Запретного города выходили призраки двадцати четырех императоров династий Мин и Цин, чтобы прогуляться при луне по удивительному городу, в котором невзрачные пагоды соседствуют с величественными небоскребами, а строгие, почти сталинские проспекты пересекаются азиатскими переулочками.

Запретный город, или, как его именуют теперь, Гугун – это бывшая императорская резиденция в самом сердце Пекина. Туристов водят сюда через Ворота Небесного Спокойствия. Гугун, что в переводе означает «Большой дворец», на самом деле не просто большой, а самый грандиозный дворцовый комплекс в мире, состоящий из 9000 строений.

От обилия изящно изогнутых желтых крыш кажется, что все они вот-вот оторвутся от зданий и поплывут по безбрежному небу, словно корабли по морю. Бронзовые будды и таинственные китайские божки соседствуют с львами и драконами; повсюду, подобно стволам вековых деревьев, вздымаются необхватные красные колонны, а настоящие растения кажутся сошедшими с шелковых акварелей и гравюр...

Да, в Гугуне, несомненно, есть на что посмотреть. Но я предлагаю вам повернуть на запад, где на берегах рукотворного озера Чжуннаньхай раскинулся так называемый Новый запретный город. Населен он не какими-то бледными императорскими призраками, а реальными руководителями нового типа – высшими должностными лицами Китайской Народной Республики. Правительственная резиденция вместе с ее обитателями зовется Чжуннаньхай, аналогично тому, как Кремль используется для обозначения властной верхушки России.

Для человека, стоящего у окна своего кабинета в современном Запретном городе, название Чжуннаньхай не казалось труднопроизносимым и звучало для него понятно и просто: «Море центра и юга».

В глазах иностранцев он был просто китайцем, сами же китайцы свободно распознавали в нем представителя народности хань. На днях ему исполнилось шестьдесят восемь лет. Его звали Хо Дзинтяо, он был Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Китайской Народной Республики. Сокращенно – Генсек ЦК КП КНР. Он занимал еще много разных высших постов, а плюс к тому, подобно Мао Цзэдуну, являлся Председателем. Это означало, что абсолютно все бразды правления страной находятся в его руках.

Всякий раз, размышляя об этом, Председатель Хо Дзинтяо невольно дивился той высоте, на которую его занесло колесо Судьбы. Жалкий гидротехник, к тому же сильно потрепанный культурной революцией при Мао, он не имел шансов подняться выше простого работника в строительной бригаде, однако проявил характер, вступил в комсомол, в партию, пробился в

китайское руководство и после ожесточенной схватки за власть стал вождем одной четвертой части населения Земли.

Неисповедимы пути Дао! Слава Коммунистической партии Китая!

Насчитывающая 70 000 000 членов, партия была незыблемым пьедесталом, на котором высилась монументальная фигура Председателя Дзинтяо. Оттуда, из слепящей поднебесной выси, слышался его голос, достигающий ушей каждого соотечественника: *Используй власть ради народа, проявляй заботу о народе и добивайся пользы для народа*. Немногие из своих изречений Председатель помнил наизусть, но некоторые настолько приходились ему по душе, что он повелел выписывать их из газеты «Жэньминь жибао» и заносить в специальную маленькую книжечку, которую перелистывал порой, чтобы лишний раз подивиться той поистине божественной мудрости, которая осеняла его порой.

Ну кто еще, как не великий, сумеет сказать так ясно и так просто: «Чтобы преуспеть в жизни, будь внимателен к мелочам и мужественен в принятии решений». Или вот: «Только тот, кто не колеблется, не ленится и неуклонно идет к своей цели, тот непременно добьется успеха». А? Каково?

Сдержанно улыбаясь, Дзинтяо подумал, что, помимо решимости, обладает многими другими качествами, позволившими ему подняться над обычными смертными. Например, мудростью. И скромностью, помогающей сохранить трезвый рассудок. Несмотря на многомиллионный хор голосов, ежедневно славящих Председателя, он не загордился, не возомнил себя богом. Оставался все таким же простым и неприхотливым, как прежде. Может быть, в этом и заключается подлинное величие?

Отвернувшись от окна, Дзинтяо сделал вялый жест, заставивший девушек в шуршащих шелковых нарядах и с ароматными свечами в руках наперегонки выбежать из комнаты. Оставшись один, он забрался с ногами на низкий диван с подушками, сунул в рот засахаренную сливу на бамбуковой палочке и открыл книгу.

То был не сборник собственных цитат. Не Пушкин, не Тургенев, не Гоголь и даже не Лев Толстой, которого Председатель Дзинтяо почитал величайшим писателем современности, достойным того, чтобы каждый образованный человек прочел его «Войну и мир» в оригинале. Книга, взятая в руки Председателем, называлась «Братья», а написал ее некий Да Чен, китайский эмигрант, сбежавший в Америку. Его роман побывал в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс» и уже был переведен на несколько языков.

Погрузившись в чтение, Председатель потянулся за очередной сливой, нащупал ее, но так и не взял в руку, потому что дошел до эпизода, в котором беременная женщина решила покончить с собой. Несчастная прыгнула с высокой скалы, но, пока она падала вниз, ее новорожденный сын (будущий главный герой, как догадался проницательный Председатель) успел зацепиться пуповиной за ветку чайного дерева и повис там, в надежде на спасение, которое явилось в образе проходящего мимо деревенского врача. К двум годам чудо-младенец уже умел читать рецепты на древнекитайском, к трем годам знал около половины лекарственных трав, а в четыре указал приемному отцу, что тот выписал пациентке не то снадобье.

Головокружительные повороты истории о двух разлученных братьях настолько увлекли Дзинтяо, что он вспомнил о блюде со сладостями лишь после того, как старший брат, благодаря сметке, стал шестнадцатилетним миллионером. Пока Председатель неспешно пережевывал рисовых мишек с вишенками вместо сердечек, туповатый младший брат сидел в колонии для несовершеннолетних. Лучше бы он там и оставался. Потому что, выйдя по воле автора на свободу, этот сопливый недоумок попал в окружение Председателя КНР и принялся поучать его, как правильно управлять великой страной.

Возмущению настоящего, нелитературного Председателя не было предела. Вызвав секретаря, он приказал сжечь мерзкую книгу Да Чена, а также все остальные экземпляры, которые будут обнаружены в Китае.

– И пусть выяснят, на какие языки переведена эта грязная ложь, – крикнул он, топнув ногой.

Секретаря как ветром сдуло. Возвратился он через несколько минут, запыхавшийся и счастливый оттого, что может чем-то угодить своему хозяину.

– Господин, – проблеял он, сутулясь, как больной радикулитом, не способный разогнуть спину, – роман «Братья» опубликован в США, Британии, Германии, Франции и в России. В настоящий момент готовится издание...

– И в России, – повторил Хо Дзинтяо. – Ну, конечно. – Его узкие глаза, похожие на блестящую черную тушь, закапанную под веки, злобно сверкнули. – Русские шавки всегда рады обляять китайского тигра. За это они достойны лишь ненависти и презрения.

– Совершенно верно, господин. – Секретарь склонился ниже.

– А с этим Да Ченом нужно будет разобраться, – стал размышлять Председатель вслух. – Не сейчас, а позже, когда про его глупый роман все позабудут. Дракон мудр, невозмутим, терпелив и способен годами ждать удобного случая.

– Да, господин.

– С чего это Да Чен взял, будто я хожу дома в традиционном китайском халате? Моему гардеробу позавидует любой западный плейбой.

Напряженные позвонки секретаря хрустнули в знак согласия.

– А мое тело? – продолжал Председатель. – Когда это оно было жирным и дряблым? Я до сих пор обыгрываю в пинг-понг всех наших олимпийских чемпионов. И в балльных танцах любого юношу обстаиваю. Во всей стране не сыщется человека, умеющего танцевать фокстрот лучше меня.

– Да, господин... Совершенно верно, господин... Так оно и есть, господин...

Ошалевший от подбострастия секретарь готов был кланяться хоть до следующего перерождения, но Председателю это надоело, и он, повысив голос, приказал:

– Убирайся. И пусть ко мне пригласят сына. Немедленно. Он ожидает вызова в Соловьином саду.

Да, пришло время поговорить с Хо Хайфоном серьезно. На жену и дочь Председатель положиться не мог, потому что они были женщинами, а кто же доверяет секреты женщинам с их непомерно длинными языками и крошечными птичьими мозгами? Законная супруга Председателя работала заместителем начальника Пекинского строительного комбината и, похоже, не была способна подняться выше. Их тридцатилетняя дочь недавно вышла замуж за одного из богатейших бизнесменов страны и теперь готовилась рожать детей, а о большем даже не мечтала. Оставался Хайфон. Только на него мог положиться Председатель... Действительно мог? Это предстояло выяснить.

В ожидании сына он бегло пролистнул досье, которое и без того знал наизусть. В последнее время Хайфон совсем утратил осторожность. Председатель сделал все, чтобы компания сына превратилась в мирового лидера по производству рентгенотелевизионной аппаратуры для досмотра багажа в аэропортах. Акционерный капитал «Ньютех» составлял 85 миллиардов юаней и продолжал расти, как на дрожжах.

Но тут случилось то самое головокружение от успехов, о котором писал еще товарищ Сталин. Увлечшись продвижением продукции на африканский рынок, Хайфон неосторожно перечислил несколько миллионов долларов двум намибийским чиновникам, от которых зависело заключение контракта. Взятчиков арестовали, в Намибии началось следствие в отношении «Ньютех», а журналисты всего мира пришли в возбуждение, пронюхав, что генеральным директором компании является сорокалетний наследник вождя Китайской Народной Республики.

Чтобы не допустить распространения сплетен на родине, пришлось как следует надавить на прессу и телевидение. Не ограничившись этим, Председатель распорядился заблокировать

Китайнет от поступления соответствующей информации из всемирной сети. С тех пор все попытки пользователей прочитать новости о скандале в Намибии завершались всплывающим объявлением, гласящим: «Доступ запрещен. Результаты поиска могут содержать материалы, противоречащие действующему законодательству». Кроме того, в Китае перестали работать такие популярные сайты, как «Facebook», «YouTube» и «Twitter», а тех, кто очень уж настойчиво прорывался в Интернет с запросами о «Ньютехе», отслеживали и вызывали для серьезных бесед туда, куда по собственной воле не заходил ни один здравомыслящий гражданин.

Что касается Хо Хайфона, то он, подобно нашкодившему мальчишке, примчался искать защиты у папы и безвылазно сидел в Пекине, боясь сунуть нос за границу. С одной стороны, Председателя это устраивало, но, с другой стороны, его раздражала трусость сына и его способность вечно ввязываться в какие-то авантюры. Настало время лично взяться за перевоспитание Хо Хайфона. Вот почему Председатель продержал его в саду несколько дней, всякий раз отменяя встречу и перенося ее на завтра. Он хотел, чтобы сын хорошенько прочувствовал свою зависимость от всемогущего отца. Он хотел поручить ему другое дело. И вообще пришло время задуматься о том, что будет со страной, когда сам Председатель отправится к подземному Желтому Источнику, охраняемому трехглазым Ту-бо, пожирающим зазевавшиеся человеческие души.

Подобные размышления настроили Хо Дзинтяо на мрачный лад, и сына он встретил довольно холодно, с выражением суровой скорби на большом плоском лице. Рожденный миниатюрной копией отца, Хайфон был теперь заметно полнее, подвижнее и чуть ниже ростом, а очки с затемненными стеклами делали его похожим на персонажа фильма про китайскую мафию, но не на главного героя, а на второстепенного, которому вот-вот отрубят палец или бросят на съедение акулам.

Робко проскользнув в комнату, Хо Хайфон отвесил церемонный поклон и остался стоять у порога, ожидая, пока Хо Дзинтяо уделит ему внимание. Было заметно, что за время ожидания он слегка озяб. Декабрь выдался в Пекине теплый, однако Хайфон редко бывал на свежем воздухе, и температура плюс пять градусов по Цельсию была равнозначна для него трескучему морозу.

– Здравствуй, сын, – произнес Дзинтяо после десятисекундной паузы.

– Здравствуй, отец, – откликнулся Хайфон, сделал шаг вперед и тут же вернул ногу обратно, словно обжегшись.

– Проходи, сын, садись. – Дзинтяо указал на диван и, подавая пример, сел сам. – Прошу простить, что не нашел времени принять тебя сразу. Много, очень много дел. Твои африканские похождения дорого нам обошлись.

– Я возьму убытки, – присаживаясь на краешек дивана, пробормотал Хайфон с таким страдальческим выражением лица, словно опасался ощутить под собой жар раскаленной сковородки.

– Кому?

– Тебе, отец... Э-э, семье.

– Родина понесла убытки, родина! – завопил Председатель, ноздри которого раздулись, как у дракона, приготовившегося выпустить порцию дыма. – Своими необдуманными действиями ты бросил тень на весь китайский народ, мальчишка!

Сорокалетний «мальчишка» поджал ноги, шмыгнул носом и потупился. Ему хотелось провалиться сквозь землю, но это было только начало его мучений. Брезгливо взяв с журнального столика доску на сына, Председатель несколько раз взмахнул им в воздухе и внезапно швырнул через всю комнату, так, что после удара о стенку рассыпались страницы. При своей фотографической памяти Дзинтяо вполне мог обходиться без подсказок, а наигранная ярость понадобилась ему для того, чтобы произвести неизгладимое впечатление на сына.

Он знал, как обращаться с людьми. Своего владыку они должны любить и бояться. Одного обожания мало – оно подобно солнцу, растапливающему волю и мозги. Страх без любви сковывает людей, словно зимняя стужа. То и другое вместе дают наилучший результат.

– Неужели тебе мало тех денег, которые ты уже имеешь? – вскричал Дзинтяо, вставая. – Неужели ты не понимаешь, что все твои миллионы подобны степной пыли на ветру? Ты похож на ребенка, гонящегося за бабочками вместо того, чтобы владеть миром.

– Миром, – машинально повторил Хайфон, поправляя очки, едва не свалившиеся с него во время отцовской тирады.

– Да, сын мой, тысячу раз да! Только власть над людьми дает настоящее наслаждение. Конечно, богатый человек тоже повелевает другими, однако возможности его ограничены, а положение шатко. Скажи, что стало бы с тобой, если бы не я, твой отец?

– Благодарю, благодарю тебя за все, что ты для меня сделал...

– Ты не ответил на мой вопрос, – перебил Дзинтяо.

– Я... мне... моя...

– Ну что ты блеешь, как овца, отбившаяся от стада!

– Против меня открыли уголовное дело, – пожаловался Хайфон, лицо которого приняло чуть ли не плаксивое выражение. – Они угрожают, что все равно доберутся до меня.

– Вздор, – отмахнулся Дзинтяо. – Пока я у власти, ни один волосок не упадет с твоей головы. – Сделав паузу, он многозначительно добавил: – Без моего ведома.

После такого уточнения облегчение блудного сына оказалось не таким полным, как ему бы того хотелось. Отец немного походил по комнате, заложив руки за спину, посопел раздраженно и заговорил:

– Впрочем, ты можешь уехать в любую страну, если хочешь. Что тебе делать в Китае? Здесь тирания, тоталитарный режим, произвол властей. Ведь именно так ты считаешь, признайся?

– Нет! – ужаснулся Хайфон. – Нет, отец, нет!

– Как же «нет», когда «да»? Ты произнес эти слова во время телефонного разговора с американским партнером. Он, наверное, очень порадовался таким откровениям наследника Председателя... – Не прекращая расхаживать вокруг дивана с понурившимся Хайфоном, Дзинтяо досадливо щелкнул языком. – Но самое возмутительное, что ты посмел сравнить великий Китай с жалкой Северной Кореей. Какая болезнь омрачила твой ум?

– Ты знаешь, отец, что я долго не был дома, – заговорил Хайфон, глядя в пол и тщательно подбирая слова. – И вот, вернувшись, я обнаружил, что немного отвык от наших традиций. После жизни в Европе и Гонконге некоторые обычаи показались мне... показались... – Поислав замену слову «дикими», он кашлянул и произнес: – Странными.

– Какие же? – нахмурился Председатель, остановившись напротив сына и глядя на него сверху вниз.

– По пути из аэропорта, – приступил к рассказу Хайфон, – моя машина остановилась возле базара. На площади у входа собралась толпа. Я послал шофера узнать, в чем дело, и он выяснил, что там избивают мальчика, укравшего дешевый фонарик. Когда народ стал расходиться, я увидел мальчика, лежащего на мостовой в луже крови. Он был мертв. Прибыли полицейские, бросили труп в фургон и уехали, не задав зевакам ни одного вопроса. Они не стали проводить расследование, понимаешь, отец?

– Если тебе не нравятся наши порядки, – ехидно заметил Председатель, – поезжай в Намибию. Уж там-то ты не станешь жаловаться на бездеятельность полиции. – Довольный своей шуткой, он расхохотался, запрокинув голову; затем, внезапно помрачнев, сказал, скрестив руки на груди: – Ты, конечно, знаешь, что не так давно у нас были наказаны тысячи чиновников, обвиненные в воровстве, взяточничестве и коррупции. Многие из них приговорены к расстрелу. Преступление есть преступление, независимо от его размеров. Сегодня мальчик

крадет фонарики, а завтра вступит в «Триаду» и станет работать на мафию. Мы не имеем права щадить преступников, иначе они станут плодиться, подобно паразитам. – Пристально глядя на сына, Председатель помолчал, определяя, ясно ли он выразился. – Ты можешь жалеть преступников в глубине души, но не имеешь права высказывать сочувствие вслух, как это было сделано вчера вечером, когда ты находился на вечеринке у английского дипломата.

Хайфон вздрогнул. Сколько он помнил себя, столько вздрагивал, потел, бледнел и заикался под уничтожающим отцовским взглядом. Это было унижительно. Это было мучительно. Хайфон даже не знал, кого сильнее ненавидел в такие минуты – грозного отца или самого себя.

Конечно, ему было известно, что за ним ведется круглосуточная слежка, но он не подозревал, насколько хорошо отец осведомлен о каждом его шаге. Вчерашняя коктейль-пати могла обернуться Хайфону крупными неприятностями. Помнится, зашел разговор о телевизионном сюжете, в котором китайцы передавали северокорейским пограничникам восьмерых корейцев-перебежчиков. Хайфон, стоявший возле оживленно беседующих дам, обронил, что если китайца, убежавшего в другую страну, ожидает каторга, то корейцев, несомненно, расстреляют. Этим он хотел сказать, что у него на родине царят не такие жестокие нравы, как в Северной Корее, но одна из англичанок сурово посмотрела на него и отчеканила:

«Если вы знаете об этом, то почему же вы отправляете несчастных в эту ужасную страну? Сшиваете их вместе проволокой за ребра, сбрасываете, орущих от боли, на землю и волочите эту кровавую вереницу на корейскую сторону... Не кажется ли вам, что это еще более бесчеловечно, чем просто расстреливать перебежчиков?»

К счастью, Хайфон не нашелся с ответом, а просто пожал плечами. Или шпионы успели проинформировать отца и об этом невинном жесте? Может быть, в данном случае молчание будет расценено как согласие?

Хайфон правильно угадал ход мыслей своего отца. Качнувшись с пятки на носок и обратно, тот сказал:

– Тебе следовало объяснить тем напыщенным англичанкам, что Китай не может позволить себе кормить непрошенных гостей. Нас и так слишком много. Зачем же нам еще корейцы?

Оставалось лишь с виноватым видом развести руками, что Хайфон и проделал. Уже довольно давно семье в Китае было запрещено рожать более одного ребенка в городе, и более двоих детей – в сельской местности. Конечно же, снизить с ходу рождаемость не удалось, и китайцы продолжали плодиться стремительно, словно личинки червей в протухающей на солнце конской туше. Незаконнорожденных с рождения зачисляли в изгои, лишая их паспортов и права на труд. За каждого лишнего ребенка семья должна была заплатить непомерный штраф, а то и лишиться крыши над головой. Не удивительно, что чужаков попросту вышвыривали из страны, нимало не заботясь об их дальнейшей судьбе. Здесь, в отцовских апартаментах, это представлялось Хайфону совершенно оправданным и естественным. В присутствии же иностранцев ему бывало неловко, как будто его родители собственноручно пытали и казнили преступников.

– Ты прав, отец, – прошептал Хайфон, – как всегда, прав.

– У меня нет права на ошибку, – просто произнес Председатель, опускаясь на диван рядом. – И у тебя тоже, сын. Я хочу, чтобы с этого дня ты начал новую жизнь. Ты повидал мир, научился многим полезным вещам, приобрел опыт и состояние. Пора подниматься выше.

– Выше? – Хайфону показалось, что он ослышался. – О чем ты говоришь?

– Когда я был маленьким, дед часто рассказывал мне о рыбе Кунь. Слышал о такой?

– Нет.

– Тогда я тебе расскажу. Рыба Кунь живет в океане и так велика, что никто не знает, сколько она в длину. – Увлечшись, Председатель мечтательно заулыбался. – Один раз в тысячу лет она превращается в такую же огромную птицу по имени Пэн. Поднатужившись, взмывает она ввысь, и ее крылья застилают небосклон, словно грозовая туча. Раскачавшись на волнах,

птица летит над океаном, а вода внизу бурлит на три тысячи ли в глубину, и волны вздымаются ввысь на девяносто тысяч ли. – Председатель хлопнул сына по плечу. – Готовься к полету, сын.

– К какому полету? – растерянно заморгал Хайфон. – Куда?

«А он дурак, – отметил про себя Председатель. – Что ж, буду учить его уму-разуму. Потому что, кроме него, некому поручить дело всей моей жизни... Дело всех правителей Китая, начиная с Мао».

– Скоро весь мир будет лежать у наших ног, – заговорил он, откидываясь на спинку дивана. – Пройдет несколько десятилетий, век, два века – это не имеет значения. Рано или поздно народы земли склонятся перед величием Поднебесной. Уже сейчас мы обогнали всех и уступаем только Америке. – Председатель запрокинул голову, сомкнул веки и сложил руки на животе, переплетя пальцы таким образом, чтобы было удобно вертеть и перебирать ими в такт неспешной речи. – Но звездно-полосатый тигр слабеет с каждым годом и уже не в силах давать отпор дракону, наступающему ему на хвост.

«Дракон – это Китай», – пронеслось в мозгу Хайфона, и, воодушевленный этой мыслью, он машинально расправил плечи и вскинул голову выше.

– Мы медленно, но уверенно поглощаем Тайвань, – продолжал размышлять вслух Председатель, – и недавний визит Обамы окончательно подтвердил, что Соединенные Штаты не намерены защищать остров. Это наша очередная победа. А сколько их еще будет, пока мягкотелого Брауна не сменит кто-нибудь вроде Буша и Маккейна! За это время мы должны успеть подчинить себе всю Азию, включая азиатскую часть России.

Заслышав про Россию, Хайфон сглотнул слюну, чтобы смочить пересохшее горло. Он с раннего детства знал о том, что российские просторы по праву принадлежат Китаю, и что однажды китайцы заселят их, раз и навсегда решив проблему перенаселения. Но нечего было и мечтать о том, чтобы добиться этой великой цели за два или за три года. Хайфон настороженно взглянул на отца. Тот ответил ему усмешкой.

– Да, да, ты не ослышался, сын мой, – услышал Хайфон. – Очень скоро половина территории России попадет под наше влияние. Навсегда. Потому что дракон никогда не отдает то, что успел проглотить.

Председатель приобнял сына и вкрадчиво загудел ему в ухо:

– Русские подписали себе смертный приговор. Называется он «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и северо-востока Китайской Народной Республики на 2009 – 2018 годы». – Судя по тому, как легко и без запинки было произнесено название документа, Хо Дзинтяо придавал ему огромное значение. – По условиям договора, Россия отдает нам в аренду практически все свои месторождения полезных ископаемых. – Он хихикнул, как будто его пощекотали, и добавил: – Кроме, пожалуй, якутских алмазов, до которых мы доберемся позже.

– Русские отдают нам свои месторождения газа и нефти? – не поверил своим ушам Хайфон.

– *Отдали*, – поправил его Председатель. – *Уже отдали*. Плюс к этому мы получили лес, воду, землю и многое другое. На десять лет. Смотри сюда. – Председатель поднял с пола географический атлас и раскрыл его на нужной странице. – Вся Россия к востоку от Красноярского края наша – Магадан, Сахалин, Камчатка, Чукотка... Считай их нашими колониями. Мы подчиним их экономически, политически и демографически.

– Как это?

– А очень просто. Экономика Сибири и Дальнего Востока станет частью нашей экономики. Политическую верхушку мы просто купим. А наши женщины рожают столько детей, что те заполнят все русские школы. – Председатель хлопнул сына по плечу с такой силой, что тот непроизвольно поморщился. – Пусть потом попробуют выгнать нас. Даже если в Кремле появится такая власть, которая осмелится что-либо требовать от Китая, ничего, кроме возму-

ценных фраз и пустых угроз, от них не последует. Желание выгнать нас у них, может, и будет, да только сил не останется. За десять лет Россия будет выпотрошена, как утка. – Председатель снова хлопнул сына по плечу, но руку на этот раз не убрал, а стиснул пальцы, словно коршун, поймавший добычу. – Если же утка вздумает трепыхаться, то мы ее быстро умирим. Согласно «Программе сотрудничества», Китай все эти годы будет строить дороги, связывающие наши страны. Так вот, сын, по этим дорогам наша армия будет переброшена в Россию почти мгновенно. После этого юридическое оформление принадлежности Восточной Сибири и Дальнего Востока Китаю станет чистой формальностью. Понимаешь?

– Понимаю, – пробормотал Хайфон, перед мысленным взором которого пронеслось видение арестантов, скрепленных стальной проволокой за выпирающие ребра. – Вернее, не понимаю, отец. Как могли русские пойти на столь необдуманный поступок?

– Небо движется по кругу, – задумчиво заговорил Председатель, певуче растягивая слова, – земля покоится на месте, луна и солнце гоняются друг за другом. Какая сила их толкает? Что приводит в движение все в мире? Это решается там, на небесах. – Он воздел руку, указывая пальцем вверх. – А об остальном позаботимся мы с тобой, здесь. – Председатель ласково ущипнул сына за щеку. – Я хочу, чтобы ты возглавил Государственный Комитет по освоению востока России. Как только ты войдешь во вкус, обычный бизнес покажется тебе детской игрой. Передел планеты – гораздо более увлекательное занятие, чем освоение рынков и распределение прибыли. – Он подмигнул. – Поверь мне, уж я-то знаю.

Медленно, очень медленно Хо Хайфон наклонил голову в знак согласия. Сердце его вдруг стало очень горячим и таким большим, что едва помещалось в груди. Его глаза искали географический атлас, отложенный отцом. Россия на карте напоминала очертаниями орла, несущего в когтях воробья, а этого жалкого воробья изображал Китай, настолько мал он был в сравнении с огромным соседом.

«Несправедливо, – мстительно подумал Хо Хайфон. – Русских около полутора сотен миллионов, а китайцев в девять раз больше. Почему мы должны жить в тесноте, а они – радоваться просторам? Пришло время поменяться ролями. Мне выпала великая честь!»

– Я верю тебе, отец, – заговорил Хо Хайфон, тщательно взвешивая слова. – Спасибо тебе и за твое доверие. Я оправдаю его. Отныне вся моя жизнь будет посвящена той великой задаче, которую ты поставил передо мной.

– Партия, – поправил его Председатель Дзинтяо с присущей ему скромностью. – Коммунистическая партия поставила перед тобой задачу. Выполни ее, и твое имя навсегда сохранится в народной памяти. Предки смотрят на тебя, сын. Они ждут и надеются.

– Я не подведу, отец.

Хайфон хотел встать, но был остановлен отцовской рукой, дернувшей его за полу пиджака.

– Не торопись, – сказал Председатель. – Нам нужно многое обсудить с тобой, прежде чем небо окрасится в розовый цвет зари. Начинается самое интересное. Можно только благодарить Всевышнего за то, что он даровал нам возможность жить в эпоху великих перемен.

С этими словами Председатель усмехнулся, поднял атлас, выдрал оттуда страницу с картой России и принялся методично рвать ее на мелкие кусочки. У него и наблюдающего за ним Хайфона глаза блестели так, словно оба подхватили лихорадку. На самом деле они были абсолютно здоровы. Болен был тот, кто выступил инициатором злополучной «Программы сотрудничества» между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на 2009 – 2018 годы. Серьезно болен.

Глава II

Работа над ошибками

Вопрос не в том, нападет ли Китай на Россию, а в том – когда. Александр Храмчихин, заместитель директора Института политического и военного анализа, считает: если против России когда-нибудь будет совершена крупномасштабная военная агрессия в «классической» форме, то с вероятностью 95# (если не 99,99#) агрессором будет Китай...

ПОРТАЛ «ПОПУЛЯРНАЯ МЕХАНИКА»

Очень далеко от Китая, под Москвой, в ново-огаревской правительственной резиденции стонал, скрипел зубами и ворочался во сне человек, от которого во многом зависело будущее России. Россияне, от мала до велика, знали его в лицо и чуть ли не ежедневно созерцали его по телевизору, но лишь считанные единицы знали, как, где и с кем на самом деле живет Владлен Вадимович Силин, скрытый от посторонних глаз шестиметровым забором.

Непреодолимая бетонная преграда эта возвышалась на заросшем сорняками пустыре, возникшем вместо беспощадно снесенных домишек, коровников и самодельных теплиц. Их владельцы куда-то запропастились, зато вокруг резиденции, как на дрожжах, стали вырастать все новые и новые коттеджи высокопоставленных чиновников. Но самым влиятельным из них, конечно же, являлся премьер-министр Силин, обосновавшийся за «китайской стеной», как окрестили ее в народе.

Там, за забором, заманчиво сверкали купола приватной церквушки, возведенной по инициативе силинской супруги; там яростно били копытами горячие жеребцы, там хрюкали, мычали и блеяли обитатели маленького скотного двора, кудахтали несущки, курлыкали индюки; там было чисто, комфортно и радостно, но проникнуть туда и выведать тамошние секреты не сумел бы и сам Джеймс Бонд, не говоря уж о заурядных мужиках из окрестных деревень. Особенно беспокоила их церковь, на купола которой некоторые не крестились, а плевались. Из зависти они даже норовили переименовать Ново-Огарево в Ново-Силино и без конца рассказывали друг другу байки про то, какие глубоководные бассейны вырыты в резиденции, кто и когда прилетел туда на вертолете, чем потчуют курочек, откармливаемых для премьерского стола, и какие диковинные фрукты произрастают в его оранжереях.

Сперва многие полагали, что вскоре Силин канет в небытие, а его сменил какой-нибудь новый премьер-министр, но они плохо знали натуру этого незаурядного человека. Хваткий, энергичный, целеустремленный, он, еще будучи на самой вершине власти, заблаговременно подписал указ «О гарантиях президенту РФ, прекратившему свои полномочия». Согласно этому документу Силин получил пожизненное право на охрану, спецсвязь и транспортное обслуживание, а главное, на пользование государственной дачей. Это не считая президентской зарплаты, бесплатного страхования, санаторно-курортного лечения и медицинского обслуживания. Впрочем, лечиться премьер предпочитал дома и домашними средствами.

Вынырнув из горячего забытья, он попытался сесть на кровати, но снова рухнул на влажную подушку и, стараясь избегать совсем уж жалобных ноток, окликнул:

– Мила! Милочка!

В прежние времена жена мгновенно примчалась бы на страдальческий зов, но теперь она появилась лишь через несколько минут, с выражением лица скорее отчужденным, чем сочувственным.

– Опять жар, – сообщил Силин, покашливая.

– А чего еще ожидать при воспалении легких, – сказала жена, не спеша приблизиться к кровати. – Все твои лыжи и...

Не договорив, она многозначительно поджала губы, которые, исчезнув из виду, образовали нечто вроде длинного, тонкого, еще не зарубцевавшегося шрама.

С тех пор как желтая пресса начала муссировать слухи о любовном романе премьер-министра с чемпионкой зимних Олимпийских игр по фигурному катанию, его увлечение лыжным спортом превратилось для супруги в мишень для ядовитого сарказма. Никакие заверения в том, что интрижка существует исключительно на странице бульварных газет да в воспаленном воображении всяких идиотов, не помогали. Из-за этого в последний раз Силин вырвался в горы с огромным трудом, а по возвращении домой узнал из прессы, что *та самая* фигуристка, оказывается, тренировалась в нескольких километрах от кавказского курорта «Лунная поляна», где пребывал он сам.

Разумеется, это было всего лишь случайное совпадение, но обстановка в семье сделалась не просто напряженной, а накаленной. Вопреки здравому смыслу, Наталия все никак не могла успокоиться, тем более, что СМИ постоянно подливали масло в огонь. Пока Силин с упоением катался по горнолыжным трассам на западном склоне горы Фишт, в Интернете появилась статья о том, что пресловутая фигуристка якобы ждет от него ребенка; тут же подключились другие издания и пошло-поехало. Силин, на свою беду простудившийся в отпуске, никак не мог убедить жену в том, что никаких других женщин, кроме нее, для него не существует. Нервные срывы, стрессы – и вот, пожалуйста: обыкновенная простуда, давшая осложнение, переросла в пневмонию.

– Ладно, – мрачно сказал Силин, – иди. И пусть ко мне пришлют сиделку. Черт знает, что такое! стакан воды некому подать...

Его начало знобить, он задрожал и отбил зубами короткую дробь.

– Сиделку ему, – проворчала Наталия, но сердиться больше на больного мужа не смогла, оттаяла.

Принесла напиться, сунула Силину градусник под мышку; потом, проверяя температуру, озабоченно поцокала языком, велела выпить таблетку, собственноручно заварила чай с малиной. Наслаждаясь ее заботой, Владлен Вадимович безропотно подчинялся, словно маленький мальчик, вокруг которого хлопочет строгая, но заботливая мать.

«Неужели пронесло?» – подумал он с облегчением.

С души словно камень свалился. Бывший президент и действующий премьер-министр, Владлен Вадимович Силин должен был выглядеть в глазах общественности примерным семьянином, а не каким-то пошлым пожилым бабником, изменяющим законной супруге с молоденькой спортсменкой. Об этом ему твердили специалисты из пиар-агентства «Вокс попули», как будто он сам не знал, что лавры Билла Клинтона не украшали еще ни одного государственного мужа, если не считать эпатажного Берлускони. До выборов оставалось чуть больше года, а Силину очень хотелось вернуться на пост президента. Ради этой великой цели он был готов на все.

Перед отъездом на Кавказ он снялся во множестве телевизионных репортажей, изображавших его мужественным, волевым, мудрым и ответственным руководителем. Кроме того, Силин не чурался и тех слащавых, незатейливых видеосюжетов, которые создавали ему имидж «простого дядьки», «нормального мужика», «своего в доску». Ради этого он делал вид, что сам чинит свою выдающую виды иномарку, собирал грибы, боксировал, охотился на медведя, позировал репортерам с удочкой, велосипедом, гитарой, лыжами и еще бог знает чем. Увлечшись, он, правда, допустил ошибку, стоившую ему десятипроцентного падения рейтинга. А ведь, казалось бы, повод лишний раз покрасоваться на экране выдался превосходный...

Шла перепись населения Российской Федерации, и Силин решил предстать перед телезрителями вместе с супругой. В домашней, так сказать, обстановке. В облике, близком и при-

ятым всем тем, кто судит о политических деятелях по телепередачам, снимаемым по заказу этих самых политических деятелей. Силины нарядились в непритязательные бежевые одежды, уселись на дешевенький коричневый диванчик и разыграли маленький спектакль, транслировавшийся на всю телевизионную Россию. Кто мог предположить, что вьедливые злопыхатели из иностранного еженедельника «Таймс» тщательнейшим образом проанализируют видеоролик и оповестят россиян о том, что их премьер-министр попросту втирает им очки! Вскоро-сти Интернет наводнили отчеты доморощенных сыщиков, разобравших по косточкам злополучный сюжет.

На первый взгляд все выглядело скромно, благопристойно и красиво, но только на первый! При внимательном рассмотрении выяснилось, что супруги Силины встречают переписчицу вовсе не в своей квартире, как сообщалось в репортаже. Далее разоблачения посыпались одно за другим. Одни назвали точную цену швейцарских часов на руке премьера, другие обратили внимание на перевернутые казенные стаканы на журнальном столике, третьих развеселило, что супруги, оказывается, до сих пор пользуются старинным кинескопным телевизором и кассетным магнитофоном. Короче говоря, обман раскрылся, и Силину оставалось лишь пожалеть о том, что ему вздумалось сняться в дешевом гостиничном номере, вместо того чтобы арендовать какую-нибудь подходящую квартирку. С другой стороны, не превращать же в съемочную площадку свой дом! Премьер-министр – тоже человек, и ему вовсе не хочется, чтобы его личная жизнь становилась достоянием общественности.

Решившись на небольшой обман, он просто хотел избежать участи президента, который, давая интервью у себя дома, неосторожно «засветился» на фоне музыкального центра стоимостью в несколько сотен тысяч долларов. Зачем лишний раз раздражать население? Люди, чье сознание было изуродовано советской пропагандой, никак не хотели понять, что в современном мире уравниловки нет и быть не может, что успешный человек вправе жить в достатке и даже в роскоши, тогда как лентяям и неудачникам приходится довольствоваться тем малым, что они сумели получить от жизни. Стараясь не афишировать свой достаток, Силин щадил психику той отсталой части россиян, которая не понимала и не желала понимать столь очевидных вещей. Так его же еще и шпыняли за это! Н-да, нелегка ты, премьерская доля...

– Посиди со мной, – попросил Силин, почувствовав, что жена собирается встать.

– Зачем? – спросила она. – В последнее время ты прекрасно обходишься без меня.

Ее губы на мгновение выпятились и снова поджались от обиды.

– Не выдумывай, – поморщился Силин. – Неужели ты не понимаешь, что мои враги спят и видят, как бы опорочить меня? Они специально очерняют меня в глазах людей, а ты, вместо того чтобы поддерживать меня, плясешь под их дудку... Помнишь, как они издевались над тем сюжетом с переписчицей? Остряки писали, что мы принимали ее в квартире нашей собаки! – Он несколькими жадными глотками допил остывший чай и упал на подушку, держа руку Наталии в своей. – С этой чертовой фигуристкой то же самое, поверь. И, будь у журналистов хоть какие-то доказательства моей неверности, они бы давно их опубликовали.

Довод показался Наталии убедительным. Как любой любящей женщине, ей очень хотелось поверить в безгрешность своего мужа, и она предпочла поверить. Ведь они прожили вместе более двадцати лет, вырастили двух дочерей, прошли через множество испытаний. В прежние времена Наталия обходилась без услуг личного повара и кормила Силина так, что он постепенно переходил с 46-го размера на 52-й. Теперь, напротив, он сильно исхудал.

Подозрения вновь нахлынули на Наталию. Она попыталась встать, но супруг удержал ее и начал расспрашивать, как дела у дочек. Поначалу она отвечала неохотно, но вскоре разговорилась и даже разулыбалась, повествуя о новом романе младшенькой Дуняши с сыном министра обороны. Старшая же Дашутка вот уже год как была замужем за южнокорейским миллионером и проживала на собственной вилле в Беверли-Хиллз. Ее избранник приходился племянником самому президенту, так что о ее будущем можно было не беспокоиться. И все

же Наталия не раз ловила себя на мысли, что ей приятней было бы называть зятем какого-нибудь простого русского парня с Рублевки, и чтобы поселились молодожены не в Америке, а где-нибудь рядышком, в том же Ново-Огареве, например. Поколебавшись, она поделилась мыслями с мужем и прибавила:

– Признаться, Влад, никак не могу привыкнуть к внешности наших новых родичей. Когда я гостила у Дашутки, мне все время казалось, что я нахожусь в каком-то китайском ресторане.

Тут вдруг Силин резко переменялся в лице, хотел что-то сказать, но, сделав неудачный вдох, зашелся кашлем, да так надсадно, так громко, что похожий на комок белой шерсти той-пудель Тимка, приковылявший в спальню за хозяйкой, проснулся, встрепенулся и бросился наутек.

– Воды? – заволновалась Наталия. – Может, молока вскипятить?

Багровый, со слезящимися глазами, Силин отмахнулся. Когда кашель прекратился, он, весь мокрый от выступившего пота, упал на спину и закрыл глаза.

– Поспишь? – шепотом спросила Наталия.

– Не до сна. – Силин устало покачал головой, перекатывая ее по подушке. Редкие волосы облепили его череп, как после купания. Глаза запали, тонкие губы запеклись и потрескались.

– Нужно отдыхать, Владик.

– Некогда отдыхать, лапик.

Наталия прослезилась от приступа нежности. Давно муж не называл ее так. При всем при том, что она была женщиной того сорта, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», ей зачастую не хватало обыкновенного внимания, тепла и ласки. Молчаливый, сосредоточенный, погруженный в свои мысли муж все реже баловал ее вниманием. Они перестали отдыхать вместе, а за столом, когда жена пыталась поговорить о чем-нибудь важном, Силин отгораживался от нее развернутой газетой. Было непривычно видеть его больным, обессиленным, неподвижным. Наталия незаметно смахнула слезинку с ресниц.

– Ну какие могут быть дела у больного пневмонией? – сказала она. – Принимать лекарства, спать и есть. Все остальное потом.

«Первым делом, первым делом самолеты, – прозвучало в ее мозгу, – ну а девушки, а девушки потом».

Вместо того чтобы улыбнуться, Наталия нахмурилась. Шутливая песенка не радовала ее, как прежде. *Чтоб им провалиться, этим девушкам!* Спортсменки, комсомолки и просто красавицы, они постоянно увивались вокруг ее супруга с тех пор, как он очутился на вершине власти. Что же они не обращали на него внимания раньше, когда он ходил в великоватых костюмах, редко и неаккуратно стригся, грыз ногти и не мог двух слов связать в присутствии посторонних? А то слетелись на все готовенькое, будто мухи на мед!

Настроение резко упало. Высвободив руку из влажных пальцев мужа, Наталия встала.

– Внизу кремлевские врачи дежурят, – сказала она, направляясь к выходу. – Скажу им, чтобы еще раз тебя осмотрели. Сейчас или сперва вздремнешь немного?

Силин взглянул на жену и отвернулся.

– Не надо врачей, – глухо произнес он. – Сам выкарабкаюсь. Иди. Мне нужно побыть одному.

Наталия вышла. Он мрачно уставился в затворившуюся дверь.

Если бы Силин верил в Бога, он решил бы, что болезнь – это кара Господня. Но религиозностью он никогда не отличался, хотя педантично отмечал все важные церковные праздники, терпеливо выстаивая службы перед телекамерами в храме Христа Спасителя. То же самое проделывал и действующий президент, поэтому никак невозможно было пропустить службу, чтобы не оказаться в глазах народа безбожником. Нельзя идти наперекор тысячелетним традициям. Христос воскрес... Воистину воскрес... И отвергать эту прописную истину способны разве что какие-нибудь темные, забитые китайцы...

Тут Силин заскрипел зубами и зажмурился так, что в темноте перед глазами вспыхнули разноцветные пятна с искрами вперемешку. Опять эти китайцы! В последнее время мысли о них неотступно преследовали премьер-министра России. Стоило ему загнать их в самый дальний и темный уголок подсознания, как кто-нибудь непременно заводил о них разговор, как это сделала жена, помянувшая китайский ресторан. Выносить это было куда труднее, чем высокую температуру, озноб, кашель и общую слабость. Угрызения совести терзали Силина гораздо сильнее. Пожалуй, он был единственным человеком в России, который понимал, насколько близка держава к гибели. И повинен в этом был он сам. Ведь в свое время Силин, а не кто-то другой, подписал злополучную «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России с Китайской Народной Республикой». Опубликованная на сайте «Ведомостей» она не вызвала бурю народного негодования лишь по той причине, что это была только надводная часть айсберга. Десятки дополнительных соглашений и сотни поправок к Программе так и не сделались достоянием гласности. Кроме того, многие наивно верили, что сотрудничество ограничится периодом с 2009-го по 2018-й год, как это было оговорено в самом названии документа. Однако, конечно же, все было не так просто...

А если честно, то все было *хуже некуда!*

В последние дни, будучи прикован к койке, Силин все чаще задумывался о том, что ожидает его, когда освещать проблему возьмутся не только верные, прописавшиеся в Кремле журналисты, но и независимые СМИ. Когда россияне обнаружат, что геополитические амбиции, приписывавшиеся премьеру, на самом деле ограничиваются рамками телевизионных экранов. Когда всем станет ясно, что треть, а то и половина территории России незаметно перешла в распоряжение китайцев.

Силин сел на кровати, преодолевая слишком сильное для него притяжение земли. Он не мог больше оставаться в постели. Он не имел права болеть. Нужно было исправлять то, что еще можно было исправить. Любой ценой. Даже ценой собственной карьеры.

Постанывая, он свесил ноги с кровати. Перед глазами потемнело, и в этой темноте возникло преданное лицо вице-премьера Анатолия Жуковского. «Мое мнение, что наши отношения с Китаем носят сегодня по-настоящему стратегический, партнерский характер, – негромко говорил он, подавшись к Силину, словно доверительно нашептывая ему что-то на ухо. – У нас общие интересы, Влад. Если мы сблизимся с Китаем, то он поможет решить нам многие международные проблемы. Подмазать наших маленьких желтых соседей надо, понимаешь? Политика без экономики – это все равно что пистолет без патронов – не стреляет».

И таких советчиков-шептунов увивалось вокруг Силина много, ох, много! Одни утверждали, что Россия самостоятельно не способна поднять Сибирь и Дальний Восток, а потому пусть азиаты за свой счет разрабатывают тамошние месторождения. Другие безудержно, как дети, радовались увеличению товарооборота с Китаем. Третьи рисовали заманчивые картины прекрасного будущего, в котором Россия заручится военной поддержкой могучего соседа.

До недавнего времени Силин пребывал в состоянии эйфории, а по возвращении из отпуска, посвежевший и загоревший, как-то весь посерел и обмяк, обнаружив на своем столе служебную записку о том, что китайские власти арендовали в России уже около 500 000 гектаров приграничных земель на сельскохозяйственные нужды. Причем арендовали с нарушением многих положений российского законодательства, однако освободить территории наотрез отказались.

Силин немедленно собрал совещание, пригласив на него не тех, кто уговаривал его заключить долгосрочный договор с Китаем, а совершенно посторонних и независимых специалистов. Первый же из выступающих, помявшись, заявил:

– Извините, Владлен Вадимович, но вы с китайцами того... маху дали. Им только палец в рот положи, так они руку откусят.

– А если без народных присказок? – спросил Силин, уставившись на свои кулаки, выложенные на крышку стола.

Слово взял председатель государственного комитета по развитию дальневосточных регионов.

– А если без присказок, – сказал он, избегая встречаться со взглядом премьера, – то Дальний Восток буквально за несколько месяцев попал в экономическую зависимость от Китая. Обидно, Владлен Вадимович. Мы на глазах превращаемся в сырьевой придаток КНР.

Тут наперебой заговорили все, позабыв о регламенте и субординации:

– Они, китайцы, о сотрудничестве только болтают, а на деле выкачивают из нас все подряд, кроме якутских алмазов. Вместо обещанных технологий – шиш.

– Повсюду к востоку от Красноярского края себя как дома чувствуют...

– Совместные предприятия, открытые на Дальнем Востоке и в Сибири, по сути, принадлежат китайцам, они же на них и работают...

– А вокруг Байкала что творится? – вскричал вскочивший профессор Вешин, седой человек, похожий на гнома, которого переодели в современный костюм и кое-как постригли, но бороды не лишили. – Это же черт знает что такое, Владлен Вадимович! Китайцы уже и туда добрались, а ведь в Байкале содержится восемьдесят процентов всей пресной воды России! Гнать их оттуда нужно, поганой метлой гнать! – Разволновавшийся профессор сделал соответствующий жест. – Они намереваются строить там деревоперерабатывающие заводы, слыхано ли это? Куда глядит ЮНЕСКО? Хотя при чем тут ЮНЕСКО... О чем думает наше правительство, вот что я хотел бы знать.

Силин, который в рамках российско-китайской программы подписал постановление правительства, фактически отдающее самое чистое озеро мира в распоряжение китайских предпринимателей, придал лицу выражение суровой озабоченности. С этим же видом он выслушал реплики о массовом уничтожении сибирской тайги, о тысячах нелегальных бригад лесорубов, о том, какими ужасными последствиями грозит прокладка нового нефтепровода по дну Амура. На душе у него скребли кошки, хотя внешне он никак не проявлял этого.

Что бы ни говорили о нем недоброжелатели, а человеком он был волевым, сильным. Тем не менее ему стоило огромных трудов сохранить хорошую мину при столь плохой игре.

Воздушные замки, выстроенные Силиным в предвкушении почти дармовых китайских миллиардов, рушились один за другим. Сотрудничество, строящееся по принципу «наше сырье – ваши технологии», не сулило России ничего хорошего. Китайский дракон, наложивший лапу на месторождения каменного угля, железной руды, драгоценных металлов, апатитов и молибдена, а главное, на нефть, газ, лес, земли и реки, уже даже не слишком скрывал свои намерения завладеть этим навсегда. Из Поднебесной хлынул поток переселенцев, грозящий затопить Восточную Сибирь и Дальний Восток вместе с их пятью миллионами коренных жителей. И это были не все плохие новости. Самое страшное Силин услышал после совещания, когда – уже с пылающей от жара головой и слезящимися глазами – принял у себя шефа УФО.

Это была самая засекреченная структура Российской Федерации, превосходящая в таинственности даже пресловутое ГРУ, не говоря уж о Службе внешней разведки или ФСБ. Расшифровывалось название учреждения очень просто – «Управление федеральной охраны», что не говорило несведущему человеку ровным счетом ничего.

Дело в том, что УФО не имело никакого отношения к такой почетной и уважаемой организации, как Федеральная служба охраны Российской Федерации, которая под командованием генерала армии Мурова оберегала каждый волосок на головах президента, премьер-министра и еще пары десятков государственных мужей, пребывающих в высшем эшелоне власти. Было вообще неясно, чем занимается Управление федеральной охраны. Оно вроде бы не имело внятного официального статуса, штатного расписания и прочих атрибутов, без которых не способно функционировать современное учреждение. С другой стороны, если копнуть поглубже,

обнаруживалось, что есть и штат, и финансирование, и печать со штампом, однако таких «копальщиков» насчитывалось немного, а те, кто норовил сунуть нос поглубже, вскоре начинали помышлять лишь о том, как бы уберечь этот самый нос заодно с головой, к которой тот был приделан.

Никто, включая непосредственно президента, не знал точно, сколько сотрудников работает в загадочном управлении. Все это были офицеры, называющие себя на службе не по фамилиям и званиям, а по оперативным псевдонимам и просто по именам: Петр, Евгений, Сергей... Словно для них уставы были не писаны. И инструкции тоже. И прочие нормативные документы. По одним сводкам, их было девять тысяч, по другим – семь, а в справке, подготовленной однажды по личному распоряжению премьер-министра Владлена Силина, говорилось, будто в УФО служит ровно 5721 человек, чему он не поверил, потому что цифра эта менялась каждый год и никогда не совпадала с предыдущей даже приблизительно.

С одной стороны, это раздражало, а с другой стороны – знающие люди понимали, что иначе и быть не может в организации, которая решает самые разнообразные и неожиданные вопросы, начиная от обеспечения личной безопасности родственников президента и заканчивая оказанием ему услуг настолько личного характера, что никаких грифов секретности не хватило бы для того, чтобы застраховать их от огласки.

Впрочем, сам президент задействовал Управление для сверхсекретных операций всего лишь дважды. В первый раз это произошло во время российско-грузинской войны, когда возникла необходимость деморализовать Михаила Шахашвили и заставить его отказаться от дальнейшей агрессии в Южной Осетии. Судя по невменяемому поведению Шахашвили перед телекамерами, это невидимкам из УФО удалось в полной мере. До прекращения боевых действий грузинский президент не решался ходить в одиночку даже по малой нужде, а во время выступления в прямом эфире увидел в студии российского разведчика и впал в такую прострацию, что был заснят жующим собственный галстук.

Во второй раз Управление федеральной охраны было привлечено президентом в день празднования Военно-морского флота в славном городе Севастополе. Ему стало известно о провокации, готовящейся там для дестабилизации обстановки и разрыва договора между Россией и Украиной. Несколько украинских спецназовцев, переодетых российскими моряками, должны были затеять массовую драку, сопровождаемую убийствами мирных жителей. К счастью, ребята из УФО вовремя нейтрализовали этих лжеморячков и не допустили кровопролития.

Являясь одновременно и правой, и левой рукой президента России, Силин был прекрасно осведомлен о двух этих операциях, не подлежащих разглашению вплоть до конца двадцать первого века. Сам он прибегал к услугам сотрудников УФО гораздо чаще. Хотя бы в тех случаях, когда нуждался в надежной информации или в бесстрастном анализе политической ситуации.

Рассчитывая, что начальник Управления федеральной охраны хотя бы частично рассеет его опасения по поводу экспансии Китая, Силин здорово просчитался. Вызванный для доклада генерал-полковник Верещагин беспощадно разрушил все иллюзии, которые строил премьер-министр России. Под конец встречи Силин почувствовал себя не просто больным, а уничтоженным.

Генерал Верещагин никогда не входил в высокие кремлевские кабинеты строевым шагом, считая это дурным тоном. Вся его карьера опровергала общераспространенное мнение о том, что подниматься по служебной лестнице нужно непременно за счет подхалимажа и пресмыкания перед вышестоящим начальством. Конечно, как и любой современный российский генерал, Верещагин умел и вовремя поддакнуть, и угодить нужному человеку, и промолчать там, где излишняя прямолинейность была неуместна. Однако честь и достоинство он старался

не ронять – и преуспел в этом. Принципами Верещагин поступался редко и неохотно, спину перед начальством не гнул, в струнку лишний раз не вытягивался.

Переступив порог кабинета Силина, он приостановился, дожидаясь приглашения подойти поближе. Приглашение последовало, сопровождаемое приветливым взмахом руки. Верещагин приблизился к приставному столу, выдвинул полукресло, сел и выжидательно уставился на Силина. Тот не торопился начать разговор, не зная, как бы поделикатней сформулировать тревожащие его вопросы. Его загорелая лысина была в испарине и сверкала от направленного на нее света девятиламповой люстры. Глаза Силина казались глубоко запавшими под надбровные дуги, а вокруг них угадывались синеватые круги глазниц.

– Давненько мы не виделись, Николай Вениаминович, – произнес он лишь для того, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– Почти месяц, – коротко заметил Верещагин.

Силину не слишком понравилась реплика, да и тон, которым она была произнесена. В отместку он решил не разрешать генералу курить, отлично зная, каким трудным испытанием это будет для заядлого курильщика. Верещагин не просто курил – он дымил, как паровоз. Сигарета почти постоянно находилась в его пожелтевших от никотина пальцах. Челюсти у него были вставные, поэтому трудно было определить, насколько сильный вред причинило курение генеральским зубам. Впрочем, настоящие зубы отсутствовали уже давно. Табак сожрал их, а теперь вплотную занялся легкими Верещагина – вернее, тем, что от них осталось.

Силин отчетливо слышал сипение в груди сидящего напротив генерала. «Сколько же ему осталось? – спросил он себя. – Год? Два? Пять? До семидесяти вряд ли дотянет».

– Курите, – неожиданно для себя предложил он. – Сейчас распоряжусь принести пепельницу.

– Спасибо, – наклонил голову Верещагин, – но не надо, Владлен Вадимович. Бросил. Вот, мучаюсь теперь.

– Это правильно, – сказал Силин.

Получилось, будто он доволен тем, что генерал мучается. Нахмурившись, Владлен Вадимович перешел к делу. Пересказал вкратце, о чем шла речь на совещании. Предложил Верещагину высказать свое мнение. Тот не заставил себя долго упрашивать. Значительно откашлялся и басовито загудел, словно огромный, мохнатый, хотя и порядком облысевший шмель.

Начал он с того, что успокоил Силина. Заявил, что его беспокойство не имеет под собой оснований. А когда премьер расслабился, нанес неожиданный удар.

– Тут *не беспокоиться* надо, Владлен Вадимович. Тут тревогу бить впору. С каждым месяцем в Китае растет плотность населения на территориях, прилегающих к нашим границам. Их там уже как собак нерезаных, под двести миллионов, а нашего брата – по одному на сорок китайцев. Не задумывались, отчего так происходит и кому это выгодно?

Мышцы на щеке Силина задергались. Делая вид, что он вытирает левый глаз, Силин прикрыл щеку поднятой рукой. Его пальцы были холодны как лед, а лицо пылало от внутреннего жара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.